

**Лермонтовское «слово» в романе В. С. Маканина
«Андеграунд, или Герой нашего времени»
сквозь призму рамочных компонентов текста**

Цитатное поле романа В. С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) разнообразно, разноаспектно и выполняет ряд функций (семантико-метафорических, поэтических, сюжетологических, структурно-типологических, характерологических и др.). Наряду с наиболее явно звучащими в романе «голосами» А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, М. Горького¹, лермонтовское «слово» в «Андеграунде» — одно из самых узнаваемых и транслируемых. Формы бытования его различны: в одном случае «слово» классика образует рамочный текст, в другом — воссоздается из контекста романа в целом. Безусловно, лермонтовский претекст в «Андеграунде» осуществляет совершенно особую миссию, ибо восстанавливается уже из рамочного текста², традиционно обладающего наиболее сильной в формосодержательном плане позицией в произведении.

Установку на лермонтовский претекст в романе Маканина дают вторая (равноправная с первым концептом заголовка) «составляющая» заглавия и эпиграф. Несомненно, это наиболее сильные места единой текстовой системы и в смысле-словом, и в композиционном планах: «Большая роль в “установлении контакта” между читателем и книгой, — утверждает А. В. Ламзина, — принадлежит началу текста, которое создает у читателя определенную установку восприятия произведения» [5, с. 95]. Заглавие и эпиграф в данном случае практически неотъемлемы друг от друга, определяют проблематику романа и отмечены не только ударной смысловой, композиционной позицией: в них — концептуальный подход к осмыслению непреходящей темы так называемого лишнего человека: неприкаянного странника и изгнанника — особого типа личности, столь многогранно обрисованного русской литературой первой половины XIX столетия.

¹ «Маканин на протяжении всего творчества, но особенно часто в 90-е гг., обращался к произведениям русской классики. В повестях “Сюжет усреднения” и “Последний лагерь”, рассказе “Кавказский пленный”, романе “Андеграунд, или Герой нашего времени” писатель ведет активный диалог с классикой, переосмысливая идеи Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова и в целом русской классической литературы. Парадоксальное преломление философии русских писателей XIX в. придает классическим героям и конфликтам современное, характерное для конца XX в., звучание» [4; см. также: 1, с. 288–294].

² Литературоведы, как и лингвисты, выделяют два массивных структурно-содержательных блока в архитектонике письменных источников: «...основной текст произведения и его побочный текст: заглавия и примечания, эпиграфы, посвящения, авторские предисловия, обозначения дат и мест написания...» [10, с. 254]. Последнее в литературоведении, как известно, принято называть «рамой», «рамкой», «рамочными компонентами».

Б. М. Эйхенбаум в известной критической работе «Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» (1924), размышляя над лермонтовскими формально-стилистическими экспериментами в «Герое нашего времени», вносит значимую лепту в трактовку образа самого Печорина как некоего «силлогического» персонажа, доходящего до истовой убежденности в чем бы то ни было путем складывания нескольких собственных суждений о чем-либо: «...впечатление “личности”, и притом “типичной”, создается не детальным анализом душевных состояний, не разнообразием чувств и мыслей, а самым составом афоризмов, разговоров и размышлений героя» [12]. Вариациями различных силлогизмов и крайне субъективных умозаключений в «Герое нашего времени» являются размышления Печорина о жизни и смерти, о любви, женщинах: «Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости». Или: «Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает» [7, с. 218, 261–262].

У Маканина герой хоть и не ведет «метафизических прений» [7, с. 262], которые бы потом аккуратно заносил в походный журнал, однако изначально отрекомендован в качестве сочинителя, по собственным словам, бросившего раз и навсегда писать. Нередко предстает и в роли собеседника (слушателя/наблюдателя) очередной изболевшейся души:

...я был нужен. Нужен как раз и именно в качестве неудачника, в качестве вроде бы писателя, потому что престиж писателя в первые постсоветские времена был все еще высок — так раздут и высок, что, будь я настоящим, с книгами, с фотографиями в одной-двух газетенках, они бы побоялись прийти, позвонить в мою дверь даже и спяну. <...> Но поскольку ко мне пришли, и как-никак вечер, гость с исповедью, я всегда их терпел и выслушивал. <...> Знал, конечно, что за глаза по некоему высшему своему счету они меня презирают. Они трудятся, а я нет. Они живут в квартирах, а я в коридорах. Они если не лучше, то во всяком случае куда надежнее встроены и вписаны в окружающий, как они выражаются, мир. Да и сам мир для них прост. Он именно их и окружает. Как таз. (С крепкими краями по бокам) [8].

Не вписанный в современную российскую действительность, все такой же лишний, не являющийся образцом ни в слове, ни в деле, но обладающий собственным видением совершающихся событий, абсолютно самостоятельно мыслящий и вследствие этого ушедший в подполье человек, по Маканину, открыто не конфликтует с «окружающим миром», потому что он — вне его, «за бортом» некоей общественной стабильности, налаженных социальных отношений и бытовой устроенности в жизни. И потому-то такой герой — вновь и по-особому лишний — пассивно и как бы нехотя, но абсолютно сознательно противостоит реальности и противопоставлен всему окружающему: обществу, государству, официальной культуре, цензуре, органам безопасности, для которых не то что особое мнение, но жизнь и благополучие отдельно взятой личности никогда не являлись безусловной ценностью.

Лермонтовское заглавие, несомненно, органично влилось в структуру книги, подчеркнув ее «героцентричный» характер³.

Итак, главное действующее (наблюдающее!) лицо в романе «Андеграунд», к тому же ведущее повествование, — бомж и общажный сторож и одновременно подпольный писатель Петрович, по его словам, бросивший писать и печататься. Он не только необходимое звено, увязывающее в единый сюжет события, происходящие с ним, а также помыслы, действия других героев, но и самобытный творец разворачивающегося перед нами текста о злоключениях современного, далеко не заурядного и глубоко несчастного человека, окруженного разнообразными «героями» его, Петровича, времени. Н. В. Алексеева, размышляя о цитатно-аллюзийно-реминисцентном поле в романе «Андеграунд», приходит к значимому выводу, что каждое слово героя, используемая им цитата, зачастую и речь других персонажей — все это, в конечном итоге, «не “чужой” язык, не цитата, а его собственное, индивидуальное слово»:

Оно — свидетельство напряженного, непрекращающегося творческого процесса. <...> Доказательство тому — его детище, роман. Это он — автор романа. И хотя за ним стоит единственно подлинный автор — Маканин, Петрович — не alter ego Маканина. Он полноценное, самостоятельное писательское «я», практически не заслоняемое и не перебиваемое автором [1, с. 280].

Поэтому именно литература (притом — русская!) для Петровича, покусившегося на жизнь другого человека и совершившего непоправимое действие⁴, оказывается абсолютной, безусловной святыней:

...представилось логичным, что, как у хорошего школьника, единственная ценность (которая и сейчас в цене) — известна. Единственный коллективный судья, перед кем

³ Ср.: «С одной стороны, заглавие романа Лермонтова заимствовано автором в связи с его хрестоматийностью: важен не сам по себе “Герой нашего времени”, не в качестве книги с определенным содержанием, он важен как своеобразный символ всей классической русской литературы. Тогда авторская цель — показать сложные на нынешний момент отношения классической и андеграундной культуры, когда классическая литература вытесняется в “подполье”, а андеграундное искусство уже полноправно можно назвать классикой отечественной культуры».

С другой же стороны, цитата из лермонтовского текста важна с точки зрения своего номинативного значения: герой нашего времени как некий обобщенный образ человека, обладающего чертами, характерными для людей определенной эпохи» [11, с. 19].

⁴ Глава, посвященная поединку Петровича с грабителем-кавказцем (!) имеет символично-реминисцентное заглавие «Кавказский след», отсылающее сразу к нескольким литературным текстам: «Мотив “предпоединка-удара”, заявленный в “Квадрате Малевича”, находит реальное завершение и одновременно проецируется на “идеальный” (литературный) контекст главы “Кавказский след”. Семантически она адресует нас, с одной стороны, на автореминисценции из рассказа “Кавказский пленный”, опубликованный за три года до появления романа (1995), с другой — на “Кавказского пленника” Пушкина: непосредственно на поэму и опосредованно через уже освоенный писателем пушкинский пласт (“след”) в рассказе» [2].

я (иногда) испытываю по вечерам потребность в высоком отчете — это как раз то самое, чем была занята моя голова чуть ли не двадцать пять лет — Русская литература, не сами даже тексты, не их породистость, а их именно что высокий отзвук [8].

Симптоматично, что именно литературу в предисловии к «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтов называет единственным средством указать «болезнь», поработившую умы и нравы современников, превратившую их в лжецов, проходимцев и просто равнодушных ко всему негодяев:

Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. <...> Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал [7, с. 97].

Поразительно, но с точностью до наоборот (в известном политическом ключе) в свое время отреагировал на лермонтовский текст император Николай I, подчеркнувший в письме к благоволящей к писателю императрице Марии Федоровне:

...нахожу вторую часть (романа «Герой нашего времени». — *И. М.*) отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же самое изображение презренных и невероятных характеров, какие встречаются в нынешних иностранных романах. Такими романами портят нравы и ожесточают характер [6, с. 196].

К слову сказать, во вступительном слове Лермонтов делал предположение о том неудовольствии, которое мог бы вызвать (и вызвал!) центральный персонаж «Героя нашего времени»:

Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?.. [7, с. 97].

Первая часть «оправдательной речи» Лермонтова была избрана Маканиным несколько в усеченной форме в качестве эпиграфа к собственному творению: «Герой... портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. М. Лермонтов» [8].

Петрович, в своем роде, личность удивительная (человек без определенного места обитания, сторож в общежитии и одновременно философ, агэшник⁵, для

⁵ Относительно частого употребления и значения данного термина в романе Маканина весьма убедительно заметила Р. С.-И. Семькина: «...у Маканина агэшники — категория конкретно-историческая, социальная группа, сообщество писателей и художников, пытавшихся в своих произведениях выразить оппозицию существующему “истеблишменту” — и оттого оказавшихся под запретом, не печатаемых, гонимых, преследуемых, нередко сурово наказуемых» [9].

которого единственной материальной ценностью является пищащая машинка), но черты (и благочестивые — сострадание к ближнему, умение слушать и слышать собеседника, которому необходимо поделиться личной болью; и порочные — крайне неразборчивые связи, способность переступить через жизнь человека) в себе он воплощает общечеловеческие, самые что ни на есть типические. Несмотря на постоянную оппозицию всему укорененному и отстоявшемуся в окружающем мире: культуре, литературе, искусству, медицине, общественным институтам, всем политическим партиям и течениям, — Петрович все же не совсем «выключен» из реальной жизни. Неслучайно он часто употребляет «соборное» мы, характеризуя собственные деяния или поведение окружающих:

В былые века (рассуждал я) человек черту тоже пересекал, но по необходимости и мучительно: совершался тем самым сверхпрыжок в неведомое, от добра — к злу. От разделительной этой черты затанцевали все их мысли, идеи, законы и новшества. <...>

...Нам, нынешним, их потуги, а то и мучения, умузрительны. Мы понимаем эти мучения, но мы не мучимся. Наш человек с чертой на «ты». Ему не надо прыжков. Он ходит через черту и назад запросто — как в гости. <...> Вполне человеческая, вполне закономерная наша переменчивость — такая же, скажем, в песочных часах, нет-нет и надо перевернуть.

Переворачиваем, если угодно, и мы себя сами. От рухнувшего, от просыпавшегося песком зла — к песочку, к струящемуся, к насыпающемуся мелкой горкой добру [8].

Так, важный элемент рамы — эпиграф, демонстрируя глубокий интерес В. С. Маканина к нравственно-этическому опыту русской классической литературы, в особенности — ее герою, направляет весь текстовый материал в концептуальное русло, функционирует «как поэтический проход в зазеркалье книги» [3, с. 173]⁶.

В целом, рамочный текст в «Андеграунде» выполняет важнейшую идейно-тематическую функцию. Именно рамочные компоненты заявляют проблему героя времени, его неприкаянности, оторванности от реальной жизни, в которой он не находит (не ищет) себе места и дела, и его типичности, ибо перед нами «портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Именно рамочный текст вводит читателя в ткань повествования, делает понятной и близкой трагедию ряда поколений, повторяющих друг друга в своих бедах, которые кроются в извечной невозможности полноправного сосуществования человека и человека, продуктивного диалога человека и общества, личности и власти. А личность, порожденная и отвергнутая обществом, властью, государством, одновременно является их зеркальным отражением.

⁶ Более подробно о традиционной роли и инновационных функциях эпиграфа в структуре постклассического прозаического текста см. в статье К. А. Волкова «“Тоголизация” текста: “Николай Гоголь” В. Набокова и “Мастерство Гоголя” А. Белого» [3].

Литература

1. *Алексеева Н. В.* Нравственно-эстетический опыт литературы XX века. Ульяновск, 2004.
2. *Алексеева Н. В.* Семантика реминисцентных заглавий в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // Уральский филологический вестник. Сер. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2012. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=92&Itemid=165 (дата обращения: 24.10.2014).
3. *Волков К. А.* «Гоголизация» текста: «Николай Гоголь» В. Набокова и «Мастерство Гоголя» А. Белого // Вопросы литературы. 2014. № 3. С. 162–183.
4. *Кравченко Е. А.* Художественный мир В. С. Маканина: концепции и интерпретации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disscat.com/content/khudozhestvennyi-mir-vs-makanina-kontseptsii-i-interpretatsii> (дата обращения: 01.11.2014).
5. *Ламзина А. В.* Заглавие // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л. В. Чернец. М., 2000.
6. *Лермантовъ.* Документально-художественный альбом. М., 2015
7. *Лермонтов М. Ю.* Княгиня Лиговская ; Ашик-Кериб ; Герой нашего времени ; Кавказец ; <Штосс>. М., 2008. (Проза поэта).
8. *Маканин В.* Андеграунд, или Герой нашего времени // Знамя. 1998. № 1–4 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PROZA/MAKANIN/underground.txt> (дата обращения: 01.12.2014).
9. *Семькина Р. С.-И.* Локусы подполья в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2008. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://yandex.ru/click/jsredir?> (дата обращения: 24.10.2014).
10. *Хализев В. Е.* Теория литературы : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М., 2007.
11. *Шилина К. О.* Поэтика романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (проблема героя) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
12. *Эйхенбаум Б.* Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924 [Электронный ресурс]. URL: http://philologos.narod.ru/eichenbaum/eichen_erm.htm (дата обращения: 01.12.2014).